

СТО ДНЕЙ ОДНОГО ВЕКА

ДЕНЬ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

Из событий 1960 года 11 из 15 экспертов и читатели выбрали кончину Бориса Пастернака. Это случилось в Переделкине 30 мая. Смерть великого поэта стала эпилогом в истории его многолетней травли.

В конце 1957 года на Западе был опубликован роман Пастернака «Доктор Живаго», который не хотели печатать советские журналы и издательства. А 23 октября 1958 года его автору была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Из газеты «Правда» от 29 октября 1958 г.:

«Учитывая политическое и моральное падение Б. Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу, оплаченное Нобелевской премией в интересах разжигания «холодной войны», — Президиум правления Союза пи-

1960: Уход поэта

сателей СССР... лишает Б. Пастернака звания советского писателя».

Из выступления Бориса Полевого на собрании московских писателей 31 октября 1958 г.:

«Холодная война тоже знает своих предателей, и Пастернак, по существу, это литературный власовец, это человек, который, живя с нами, питаясь нашим советским хлебом... изменил нам и воюет в том лагере. Мы должны от имени советской общественности сказать ему: вон из нашей страны, господин Пастернак! Мы не хотим дышать с вами одним воздухом!»

Из проекта указа, вынесенного на обсуждение Президиума Верховного Совета СССР 27 февраля 1959 г.:

«Несмотря на публичное осуждение своих «ошибок и заблуждений», Пастернак, злоупотребив гуманным отношением со стороны Советского правительства, тайно продолжал свою антинародную деятельность... Исходя из этого, а также учитывая требования советской общественности, Президиум Верховного Совета постановляет лишить советского гражданства и удалить из пределов СССР Пастернака Бориса Леонидовича».

Решение о высылке не приняли только потому, что властям «из достоверных источников» стало известно: Пастернак неизлечимо болен.

Несли не хоронить — несли короновать

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СКВОЗЬ имя Пастернак проступают тернии. Похороны его стали первой демонстрацией народного протеста, предтечей всесоюзных похорон Шукшина, Высоцкого, Сахарова, Холодова... Сегодняшний читатель и представить не может, как это — запретить пойти на похороны поэта, пусть даже «отщепенца» и недавно исключенного из Союза писателей. Власть же считала это главным политическим преступлением года.

Для меня это было личное безысходное горе, я был около Пастернака в течение многих лет, он был мое «все». Я уже много писал об этом и не взялся бы за перо, если бы не настойчивость редакции.

Итак, 1 июня 1960 года. Ровно сорок лет назад, Полдень. Меня взяли подвезти до Переделкина Александр Петрович Межиров, поэт Божьей милостью, синеглазый супермен, бильярдный король, увесивший стены своей берлоги фотографиями боксеров. Его мы называли Саша. Третьей в «Москвиче» была Майя Луговская, с которой я познакомился, когда отвозил по просьбе Пастернака экземпляр «Доктора Живаго» от Андроникова к Луговскому. Видя мое состояние, они отослались ко мне как к больному.

Внезапно у «Голубого Дуная», шалмана, где некогда Пастернак распивал с работягами, «Москвич» резко затормозил.

Саша вышел из машины: «Они номера записывают. Дальше вы идите один. Мы вас здесь подождем». В его небесно-синих глазах стоял страх: «Я боюсь. Я же член партии...» Это он, боевой офицер, прошедший фронт, не боявшийся Синявинских болот, автор сильных энергетических стихов «Коммунисты, вперед!» и «Тишайший снегопад» — он испугался? Что Система делает с человеком! Его губы дрожали. Он бормотал что-то, уже, видно, обращаясь к Майе: «Я не могу... Когда Вася Смирнов и этот... ну как его ... вылечившийся сифилитик,

дыша перегаром, хрипят с трибуны тебе вопросы...» Вероятно, это были воспоминания о временах борьбы с космополитами.

Я побежал к пастернаковской даче.

Огромная неписательская толпа напирала на низкий штакетник изгороди. Играл Рихтер, потом Юдина. Я прошел в дом. Столовая, в которой стоял гроб, была пуста. Помню, подошла Е. Тагер, что-то сказала. Позднее Давид Самойлов рассказывал со слов Грибанова, что «Анд... Андриуша Вознесенский сидел на крыльце и плакал». Может быть.

В песне Галича есть слова о палачах из Союза писателей, исключивших Пастернака из Союза: «Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку». Увы, на общем собрании все единогласно проголосовали за его исключение (при одной воздержавшейся). Проще взять справочник Союза писателей тех лет — позор на всех. Один поэт, мой приятель, оправдывался: «Я не голосовал, я удалился в туалет». Это повторяли и другие. Я представляю туалет тех дней — бесконечный, как ленинское бревно. И нельзя сваливать все на тупость тоталитаризма. Окололитературное болото, средняя арифметическая серость были совершенно искренни, клеймя Пастернака. Они мстили гению. Мы не понимаем поступков гения и примеряем их на свой шкурный аршин.

Нельзя же все сваливать на Хрущева, который ставил в пример Пастернаку «свинью, которая не гадит, где ест». Он, естественно, не понимал поэта и взбесился, у него была масса государственных задач в голове — например, как свалить Жукова или как успешнее провести испытания атомной бомбы на Урале. На своих крестьянах!

«Ишь какой Пастернак нашелся!» — кричал он мне несколько лет спустя. Премьер помнил Пастернака. Вспомним и мы не только вырожденки, но и тех, кто пришел поклониться поэту. Поименно: В. Асмус, В. Боков, А. Гладков, Б. Грибанов, Ю. Даниэль, Вяч. Вс. Иванов, Т. Иванова, В. Каверин, В. Корнилов, Н. Коржавин, И. Нонешвили, Б. Окуджава, К. Паустовский, Гр. Поженян, А. Синаевский, Ир.

Эренбург. Все они не испугались, все рисковали. Окуджава, может быть, больше других, ведь он был государственным служащим и членом партии. Он пришел. Сейчас удивляет, что не было ни одного письма в защиту Пастернака. Как не было их в защиту Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и, конечно, Осипа Мандельштама.

«Несли не хоронить — несли короновать». Это мое стихотворение, написанное в день похорон, я отнес «на голубом глазу» в редакцию «Литературной России». Верстался номер, посвященный юбилею Толстого. Редактор, поняв или не поняв адресат стихов, оставил их на полосу. Единственное, что его озадачило — строфа:

Вбегаю в дом его.

Пустые этажи.

На даче никого.

В России — ни души.

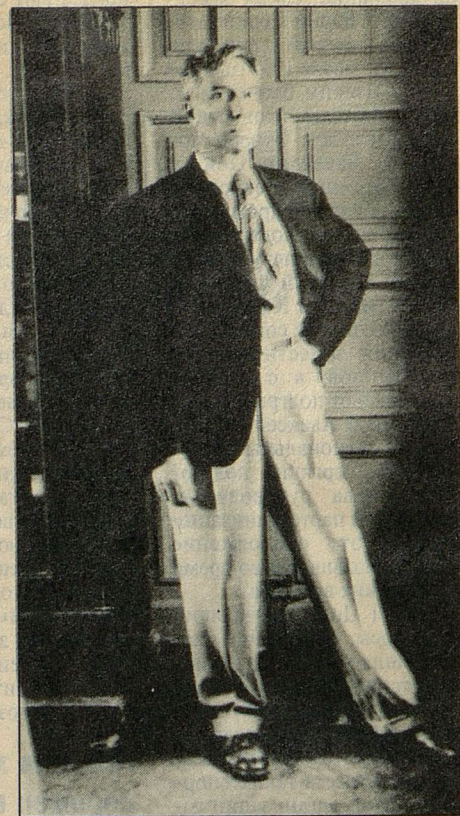
Но стихи так и вышли к изумлению читающей публики — стихи о похоронах Пастернака.

Итальянский издатель Фельтринелли (тот самый, что издал «Доктора Живаго») в моей книге, подстраховав меня, поставил подзаголовок «Памяти Толстого».

Позднее Ольга Ивинская в своих мемуарах озаглавила этой строкой главу о похоронах Пастернака.

День похорон продолжался. Продолжается он сорок лет. Каждый год в июне переделкинские холмы наполняются соловьями и студентами, читающими поэта. Усилиями Наталии Пастернак Большая дача превращена в музей. В этом году учреждена наконец Независимая Пастернаковская премия. Получил ее Геннадий Айги. Тот самый, которому Пастернак завещал: «Найдите Андриушу и пробивайтесь в литературу вместе».

Но сорок лет прошло, а все нет мемориальной доски на московском доме Пастернака. Есть памятники Маяковскому, Есенину, Высоцкому, Мандельштаму. Прошел конкурс на памятник Окуджаве. Но почему забыт Борис Пастернак?.. XX век — век чудовищных преступлений и великих русских поэтов. Крупнейший, безусловно, Б. Пастернак. Дай Бог, что-

бы в новом веке родился поэт не меньшего масштаба.

Нашу поэзию вечно хоронят. Сколько живу, все читаю статьи о кризисе поэзии и читателя. Между тем в магазинах томики стихов раскупаются. Достать их трудно. Нынче нет на поэзию голода. Но есть аппетит. Значит, День Пастернака продолжается.

...Я помню толпу, бронзовый гроб на фоне синего неба — его несли от дома до кладбища на руках, отказавшись от услуг литфондовского гробовоза. Два его сына, забыв былую неприязнь, несли гроб отца. Несли не хоронить — несли короновать. Когда я вернулся к «Голубому Дуною», «Москвич» все еще дождался меня.

Пастернак Борис

19.07.2000